

Автор приносит извинения читателям за былизмы, наличествующие в данном тексте. Такая подача обусловлена отнюдь не безграмотностью и неумением «вычёрывать» и «травить» этих литературных «паразитов», а лишь желанием подчеркнуть, что всё описанное в рассказе действительно БЫЛО.

Было это давно, лет тридцать назад. Жил я тогда в доме номер тринадцать по улице Советской. Это практически в самом центре, недалеко от кинотеатра имени Маяковского. Дом старый, сталинской постройки, с деревянными перекрытиями и перегородками, но крепкий, зараза, он запросто всех своих более молодых собратьев из кирпича и бетона перестоит. Ну, если, конечно, кому-то вдруг не помешает, какому-нибудь чиновнику из мэрии – не впишется, например, в архитектурную концепцию города. Или бизнесмену какому-нибудь – приятелю вышеупомянутого чиновника – задумавшему на этом месте возвести мощный центр прибыли. Тогда конечно, тогда снесут. Правда, с трудностями столкнутся, как пить дать, – сталинку снести не так просто, не каждому под силу. Гастеры-таджики точно не смогут, во всяком случае качественно и без жертв. Придётся японцев с их эффективными передовыми технологиями нанимать. Или китайцев, те

и без технологий управятся. Не умением, как говорится, так числом результата достигнут. А жертвы... они числом-то и снивелируются.

Собственно, не о доме речь. И не о жертвах.

Был у меня сосед – жил прямо надо мной: я на четвёртом этаже, он на пятом. И был он автовладельцем. Уточню: владельцем автотранспортного средства марки «Запорожец». Был тот запор белым и горбатым. Не ушастым, которые и до сих пор кое-где ещё бегают, в основном в сельской местности (ну, и в Африке, наверное), а именно горбатым, кои нынче раритетом являются. А кто-то, быть может, скажет: артефактом. И не ошибётся.

Соседа звали Виктором, был он очкаст, сорокалетен, основательно лысоват, высок (или, точнее, долговяз) и не имел гаража, даже сварного железного. Горбатый запор всегда стоял во дворе под нашими окнами. Как-то раз некий неизвестный юморист, думаю, кто-то из дворовых пацанов, написал на покрытом стойкой осенней грязью крутом боку изделия запорожских автомаштеров ещё не успевшее набить оскомину и выйти из моды слово «Луноход». Крупными буквами. Почему «Луноход»? Ведь запор этот передвигался исключительно по поверхности Земли, а не Луны, да и вообще имел весьма отдалённое сходство с

льным первопрородцем, — сие осталось загадкой. Но прозвище прилипло к автомобилю покрепче осенней грязи. Грязь что — её смыть можно обычной тёпленькой водичкой, прозвище не смоешь даже спецсредствами.

Не знаю, кем и где работал Виктор, — почему-то мы с ним не сблизились за десяток лет соседства, только здоровались, — но на своём «Луноходе» он ездил постоянно. Утром садился и выезжал со двора, поздно вечером возвращался и ставил автомобиль под окна. В выходные тоже, только со сдвижкой по времени в сторону «подольше поспать». И это продолжалось... чуть не написал: зимой и летом. Нет, эксплуатация «Лунохода» происходила с ранней... нет, вру, не с ранней, с поздней весны до поздней осени — до первых заморозков, до первой гололедицы, до первых основательных снегопадов. Видимо, у Виктора не было зимней резины. А возможно, для «Запорожцев» она вообще не производилась. Так или иначе, но «Луноход» зимой со двора не выезжал.

Стоял он себе и коротал длинную сибирскую зиму, а зимы в те времена, замечу, были очень снежными...

Нет, правда, зимы тогда были более холодными и более снежными, а лето, соответственно, более тёплым. И красавица Обь была всегда полноводной. И это не ностальгия, не тоска по прошлому, а констатация факта. Просто был иной климатический период. Или этап? Или как там у климатологов?.. Неважно.

Итак, белые пушинцы хлопья падали, не переставая, и днём и ночью, покрывая землю и вообще всё плоское или слегка покато толстым снеговым ковром. Сугробы росли прямо на глазах и вырастали выше человека. Снегом покрывался и «Луноход», его никто не обметал, не раскидывал снег вокруг. Напротив, дворник Уткин, расчищая проходную и проезжую части двора, складировал результаты своего труда поверх сугроба, образованного вставшим на прикол забором. Я подозреваю, что это происходило по договорённости с владельцем автомобиля, а вовсе не из-за каких-то нелицеприятных — завистливых, мстительных (мол, очкастый частный собственник!) — черт характера работника ЖЭКа. Надо сказать, что Уткин (кстати, никто почему-то не называл дворника по имени или имени-отчеству, все по фамилии), несмотря на профессиональное пристрастие к спиртному, к обязанностям своим относился весьма добросовестно — двор был всегда идеально чист, а сугроб, в котором «Луноход» терпеливо дожидался весны, изо дня в день становился всё более похожим на курган.

Но зима в Сибири длится не круглый год, приходит тепло, и снег тает. Вёсны в те времена были дружными, снег таял

быстро, сугробы резко уменьшались в размерах, луноходов курган тоже уменьшался. Дворник Уткин активно включался в работы по ускорению процесса таяния снегов, иными словами раскидывал их по двору, оставляя только узкие тропинки для прохода жильцов дома на работу и прогулки.

После того как весь бывший снег стек в ещё исправно работающую тогда ливневую канализацию, во двор выходил Виктор с ведёрком горячей воды и теплым заряженным аккумулятором. Ни разу я не видел его с паяльной лампой в руках и с разложенным на асфальте инструментом, склонившимся в тяжёлых раздумьях над открытым капотом, перепачкавшимся чёрным маслом и злобно матерившимся на своего железного товарища. Виктор лишь отдирали со стёкол прилипшие с осени листья, ставил аккумулятор, слегка протирал своеобразно фигуристый кузов влажной губкой, две минуты перекуривал на скамейке, потом впахивал своё долговязое прогонистое тело в салон, каким-то непостижимым образом размещал его на водительском сиденье, заводил мотор и... «Луноход» выезжал со двора.

Поначалу я самостоятельно пытался разгадать загадку — в чём причина данного феномена. Рассматривал много версий, но основных — более простых и менее фантастических — было три. И плюс одна факультативная.

Может быть, размышлял я, причина столь удивительной выживаемости Витино «Лунохода» в суровых климатических условиях Сибири заключается в качестве советского железа? Ведь, как известно, «Советские поезда — самые поездатые поезда в мире, они поездили, поездыт и будут поездить просторы нашей поездатой родины, и никакие другие поездатые поезда не перепоездыт советские поездатые поезда по своей поездатости!» В этом плане. Ну, в плане того, что поезда практически на сто процентов железные, стало быть, именно железу играет определяющую роль. В вопросе поездатости. И «Запорожцы» тоже железные, значит, весьма поездатые.

Или дело тут в технической примитивности? Козе понятно, чем примитивней организм или какой-то предмет, тем он сильнее адаптирован к негативным воздействиям внешних факторов. Взять к примеру чукчу... Нет, пожалуй, из соображений политкорректности чукчу брать не будем, возьмём чурку. Нет, чурку тоже брать не будем, лучше возьмём чугунную отливку. Она может тысячелетия под открытым небом валяться, и ни хрена ей не будет. Поезда, они от чугунной отливки ушли не особенно далеко, по крайней мере — не вершина технического прогресса. А «Запорожцы» недалеко стоят от советских поездов.

А может, причина подобной устойчивости к коррозии и прочим неприятностям кроется в качестве данного изделия? А что, некоторые вещи, изготовленные руками наших прежних мастеров, причём изготовленные не столько за деньги, сколько за совесть, запросто могли конкурировать с зарубежными аналогами. Есть примеры.

Ну и, наконец, четвёртая версия – экзотическая, но, на мой взгляд, имеющая право встать хоть и с краю, но в один ряд с тремя вышеизложенными. Феномен возникает благодаря необычной форме кузова автомобиля. Правда, обосновать технически я это предположение не сумел в силу своего технического слабоумия. А тот факт, что нос и э... задняя часть «Запорожца» поменяны местами, я отнёс сюда же.

Короче говоря, поразмыслив и не сумев выделить в качестве приоритетной какую-то одну версию, я малодушно решил, что имеет место удачное наложение всех четырёх. А решив, перестал ломать голову. Тем более что к тому моменту – к моменту завершения моих размышлений – на Россию обрушились времена, когда умы подавляющего большинства её жителей стал занимать практически один-единственный вопрос: как бы заработать денег.

И это «подавляющее большинство» бросилось их зарабатывать. У кого-то получилось, и даже очень, у кого-то не так чтобы, но кое-что. Кое у кого вообще ничего не получилось, и он стал бомжем.

Я бомжем не стал, напротив, поменял свою однокомнатную в старой сталинке в центре на трёхку в относительно бодрой, но менее прочной хрущёвке в спальном районе по линии метро. С Витей мы, естественно, больше не встречались. До недавнего времени.

Как-то при обстоятельствах... не имеющих отношения к делу, я его встретил. Всё такой же долговязый и нескладный, ещё более лысый, но одет хорошо. И на дорогом серебристом внедорожнике, кажется Land Rover. Или Range Rover, у меня такие детали в голове не задерживаются.

Узнали друг друга сразу.

– Витя?!

– Э-э... сосед?..

– Он самый!

Мне было ясно, что имени моего он не помнит, а может и не знал – мы ведь с ним не дружили, только здоровались: привет-привет и обмен кивками. Сейчас же мы с удовольствием обменялись дружеским рукопожатием.

– Ну, как дела? – начал я. – Как жизнь сложилась?

– Да в принципе нормально.

– Вижу, автомобиль сменил.

Витя молча кивнул и, как мне показа-

лось, смущённо улыбнулся.

– Не жалеешь? – спросил я машинально и вдруг ощутил жгучее желание получить ответ на некогда мучивший меня вопрос. – Ведь такая надёжная была машина.

– Да понимаешь, сосед, у «Фолькса» с трансмиссией проблемы начались. А трансмиссия – это такая штука...

– У «Фольксвагена»?.. Нет, я про «Луноход».

– Какой луноход? – на этот раз Витя улыбнулся как-то странно, и я даже засомневался – не обознался ли? Да нет, точно – Витя передо мной, только очки в дорогой и тонкой золотой оправе.

– А, – догадался я, – ты же, наверное, не в курсе, что твой «Запорожец» местные шутники «Луноходом» окрестили.

– Почему – не в курсе? Знаю, что его все так называли, я даже сам так своего горбунка называл. Нет, я имел в виду, ты о котором «Луноходе» спрашиваешь?

– В смысле? – опешил я.

– Ну, о каком по счёту?

– Как это?.. – растерялся я. – У тебя не один, что ли, «Запорожец» был? Насколько?..

– Конечно! – широко улыбнулся Витя. – Я их, считай, каждый год менял. Я же тогда работал представителем АвтоЗАЗа в Сибири, мы машины из Запорожья в Новосибирск поставляли. Как говорится: что имеем, на том и ездим. Собственно говоря, я и сейчас в том же бизнесе кручусь. Только... – он кивнул на припаркованный Land Rover (или Range Rover), – другие машины нынче сюда гоню. АвтоЗАЗ уже лет десять как загнулся, да и кому та хрень, которую он производил, нужна?.. А знаешь, сосед... Кстати, извини, не помню, как тебя по имени.

– Владимиром зови, – сказал я, почувствовав, что голос у меня отчего-то садится.

– Так вот что хотел сказать. Ты, Володь, не первый, кто мне этот вопрос задавал. Все мужики с Советской тринадцатой интересовались: как так, что за фишня, что это за монстр у меня такой – всю зиму под снегом стоит, и не гниёт, и всегда на ходу.

– И ты им... – я чуть не подавился сухостью, не сумев сформулировать свой вопрос, но Витя всё понял. Ответил:

– Ага, интригу сохранил. Тебе первому признался. Собственно, за прошедшее время тебя только и встретил...

Мы ещё недолго пообщались, выкурили по сигарете и разошлись. Вернее, я отправился домой пешком, а Витя умчался вдалеке на своём дорогом и надёжном серебристом внедорожнике. Я шёл, и меня не покидало неприятное ощущение потери. Мне казалось, что у меня украли что-то очень и очень мне дорогое.